

ОЦЕНОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ПОРИЦАНИИ

Речевой акт порицания связан с оценочным понятием *schlecht*, которое выделяется среди других категорий чрезвычайно широким спектром своих связей и функций: оно имеет отношение к действительным свойствам объектов, их соответствию (или скорее несоответствию) норме, к воле, долгу человека и др. Оценочным суждениям в форме порицания отводится роль регуляторов, способных каузировать состояние эмоционального дискомфорта у собеседника и оказать влияние на адресата: планируемый перлокутивный эффект высказываний порицания заключается в изменении поведения адресата в лучшую сторону. Порицание является специфическим речевым актом с заложенным в нем изначально, независимо от контекста сложным интенциональным содержанием («сплавом» интенций упрека, обвинения и порицания в узком смысле), которое интегрирует выражение неодобрительной оценки и воздействие на эмоциональное состояние адресата.

Частотным средством эмотивно-оценочных номинаций поведения в порицании являются оценочные глаголы: *Du bist erst siebzehn und treibst es schon derartig mit Weibern* (Noll). Они обозначают «некое действие, смысл которого не сводится к непосредственному содержанию этого действия, а выражает определенную установку по отношению к участнику коммуникации, определенной социальной группе и окружающему миру» [Сандомирская 1991: 116]. Мерками отрицательной оценки поведения являются общечеловеческие установления, осуждаемыми являются, например, нарушение нравственных правил как супружеская измена, причинение морального и физического вреда, безделье, лень, пустое времяпрепровождение и др. Поэтому отрицательно-оценочными глаголами

поведения являются, соответственно, такие, как *ehebrechen*, *peinigen*, *das Leben vergallen*, *belügen*, *Leid antun*, *meckern*, *quatschen*, *herumtreiben*, *schwänzen* и др.: *Weil du mich belogen hast! Du hast mich dauernd angeschwindelt!* <...> (*Rome*) – глаголы *belügen* и *anschwindeln* используются как поведенческие в значении выражения упрека, недовольства поведением адресата, причем это значение усиливается за счет квантификатора *dauernd*, показывающего регулярную, продолжительную деятельность.

Поведенческий смысл может приписываться и самым разнообразным действиям, практически любому глаголу прагматический контекст может придать статус поведенческого. Так в следующем примере самопорицания неоценочные глаголы переосмысливаются как поведенческие: *Von mir gibt's nicht viel Gutes zu sagen. Ich trinke zuviel, rauche zuviel, ich arbeite zuviel. Ich vernachlässige meine Familie...* (*Hoeg*). На необходимость категоризации глаголов-сказуемых приведенного высказывания (*rauchen*, *trinken*, *arbeiten*) в терминах поведения указывает его вводная часть, в которой говорящий обобщает особенности своего образа жизни, давая ему отрицательную оценку (*nichts Gutes*), он заранее направляет восприятие адресата, фокусирует его внимание на минусах – типичная стратегия самопорицания. Кроме того, свидетельством наличия интенции самопорицания является употребление квантификатора *zuviel* (превышение нормы порицается!), а также глагола *vernachlässigen* в параллельной конструкции (в заключительной части высказывания), структура значения которого включает отрицательную оценку как один из ядерных, интенциональных компонентов (пренебрежение семьей расценивается социумом как отрицательный стереотип поведения). Таким образом, нерелевантные в иных случаях действия при взаимодействии указанных «переключателей», без сомнения, могут рассматриваться как поведенческие.

Интересно проследить, как трансформируется значение нейтральных деятельностных (*hüpfen*, *treiben*, *kraxeln*, *toben*) глаголов и глаголов состояния (*sitzen*, *stehen*) при сочетании их с приставочным компонентом *herum-* в

значении *ständig, längere Zeit (und sinnlos) etwas tun* [Wahrig]. Действия, обозначаемые такими производными глаголами, воспринимаются как поведение и «мутируют», принимая отрицательно-оценочный компонент значения, в действия, достойные порицания и порицаемые. В следующем высказывании сказанное подтверждается использованием в качестве синонима глагола *herumsitzen* идиомы *dem Herrgott den Tag stehlen* с парадигматическим значением отрицательной оценки: *Marsch in die Küche! Das soll dir so passen, hier herumzusitzen und dem Herrgott den Tag zu stehlen. Es gibt Arbeit in Fülle und wenn ich schon zwei hungrige Mäuler stopfen soll, so sollst auch dafür arbeiten* (Buchner). Приведенное высказывание, как и многие другие рассматриваемого типа, является средоточием нескольких средств выражения отрицательного отношения к адресату (неуважения, нелюбви), отрицательных эмоций (недовольства, раздражения) и отрицательной оценки его действий и поведения. Эти нюансы смысла проявляются в грубом обозначении адресата – падчерицы и ее ребенка – как *hungrige Mäuler*, в номинации намеренного ограничения взаимодействия и взаимообщения только удовлетворением физиологической потребности адресата в еде (*hungrige Mäuler stopfen*). Средством выражения отрицательного мнения об адресате является и часть *Das soll dir so passen*, которая имплицитно рациональную оценку адресата (*Du bist faul und verdorben und es soll dir deshalb passen, hier herumzusitzen und nichts zu tun*).

Таким образом, можно утверждать, что в своем подавляющем большинстве глаголы поведения являются эмоционально маркированными словами с богатым набором коннотативных значений. Употребляясь в высказываниях порицания, они не описывают поведение, а интерпретируют, эмоционально оценивают его. Выражаемое ими эмотивно-оценочное отношение к адресату можно категоризировать как презрение (*Und doch hüpfst ihr herum wie verlauste Kastenlose. <...> (Matzuoka)*), пренебрежение (*Ach! Dr. Pilnitz, der Sittenwächter! Aber seinen Chef mit dessen Frau betrügen, das kann er! <...> (Konsalik)*), недовольство (*Sind wir zum Quatschen gekommen? Immer*

dasselbe! Kaum schwingt einer Reden, steht ihr 'rum wie die Pfeifenköpfe! <...> (Konsalik), осуждение (*Solche Gespräche... und solche Gedanken... das untergräbt die Moral, Sepp! (Noll)*).

Степень эмоциональной оценочности в порицаниях увеличивается при сочетании поведенческого глагола с аффективными сравнительными обозначениями, относящими адресата к представителям соответствующего класса со всеми его стереотипными качествами: к классу дикарей (*wie die Wilden*), лиц с нарушением психики (*wie ein Verrückter, wie ein Idiot*), неразумных детей (*wie ein unmündiges Kind, wie ein Kleinkind, wie ein unreifer Junge*), невоспитанных детей (*wie ein unerzogener Junge*), представителей определенных «грубых» профессий (*wie die Metzger*). Примерами таких классификационно-оценочных высказываний порицания могут служить следующие: *Manchmal reden Sie wie ein unreifer Junge, Bernhard (Konsalik); Sie benehmen sich wie ein böser, unerzogener Junge, Bernhard (Konsalik)*. В обоих случаях порицание вызывается горячностью, вспыльчивостью адресата, его категоричностью в выражении мнения, что, как считает говорящий, простительно только неопытным молодым людям со свойственным им юношеским максимализмом.

В роли поведенческих глаголов выступают иногда идиомы, образно отражающие поведение адресата и выражающие отрицательное эмотивно-оценочное отношение говорящего к нему: *auf der faulen Haut liegen (faulenzeln)*, *dem Herrgott die Zeit stehlen (faulenzeln, nichts tun)*, *ein Herz aus Stein haben (hartherzig sein, kein Mitleid haben)*, *es ist nicht sauber in dem Oberstübl (geisteskranke sein)* и др. Идиомы отображают нормативную картину мира народа, его особое мировидение, поэтому логично их появление в высказываниях порицания в качестве регуляторов поведения: *Passens bloß auf, dass die Marie net auch einmal so wird! In die alten Fetzn die gestrigen Tag suchn, dem Herrgott in der Kirchn die Zeit wegstehlen und saudumm daherredn! Bloß nix arbeitn <...> (Kroetz)*. Идиома в приведенном высказывании фиксирует отклонение от нормы (пустое времяпрепровождение,

бездельничанье рассматривается как социально вредное действие), это подвергается говорящим рациональной и эмоциональной квалификации («красть», отнимать время – это плохо) и порицается.

Следует упомянуть и группу поведенческих глаголов, употребляемых только в сочетании с оценочным наречием – *sich benehmen, sich anstellen, sich aufführen* и т.п. При элиминировании наречия высказывание теряет смысл: *Du hast dich unmöglich benommen, Vater! Er hat dir nichts getan! (Konsalik) → ~~Du hast dich benommen, Vater!~~* Следовательно, в этих случаях наречие заполняет семантическую валентность глагола поведения на оценку и является семантически и синтаксически обязательным. В нем аккумулируется не только отрицательная оценка, но и эмоциональный заряд порицания: вышеприведенное высказывание меняет свое положение на эмоциональной шкале при замене эмоционального *unmöglich* на нейтральное *schlecht* (*Du hast dich schlecht benommen, Vater!*).

Отрицательные наречия модифицируют не только порицания с глаголами поведения. Они являются показателем неодобрения при сочетании с глаголами, обозначающими разные виды деятельности, например, говорения: *Aber da verstehe ich nicht, wie du so gleichgültig darüber reden kannst! Mein Gott... Es geht doch um Deutschland! <...> (Noll)* В таких конструкциях определители имеют, как правило, частнооценочные значения. Их семантика исключительно разнообразна и модифицирует различные аспекты действий и пропозициональной структуры, в которую входит глагол [Вольф 2006: 134]. В следующем высказывании, например, осуждается бездумье, легкость, с какой адресат совершил аморальное действие – отказ от собственного новорожденного ребенка. Оценочное наречие специфицирует в нем глагол физического действия – подписания отказных документов – и квалифицирует последнее как необдуманый поступок: *Wie bedenkenlos hast du die Verzichtserklärung auf das Kind unterschrieben. Wie eine Ware, die man handelt, hast du das Kind betrachtet. Simone, Simone, ich kann dich nicht verstehen und deine Tat nicht begreifen. Ich kann es nicht... (Uhl).*

Нераспространение глагола искажает смысл подобных высказываний. При опущении наречия в фокусе внимания оказывается глагол, то есть действие; при наличии наречия в фокусе оказывается вся группа и меняется ее коммуникативная роль, ср.: (1) *Kaum kann der Ziesche wieder den Mund aufmachen, da quatscht er dämlich! So was! (Noll)* и (2) *Kaum kann der Ziesche wieder den Mund aufmachen, da quatscht er! So was!* В (1) порицается содержание находящегося в пресуппозиции действия адресата, признак, выраженный наречием, является коммуникативным центром высказывания; в (2) порицается само действие адресата – разговор, ему предлагается лучше помолчать.

Оценочные наречия часто ориентированы на норму и показывают несоответствие действия стереотипному [Вольф 2006: 134]: *Das Kind... du sprichst von deinem eigenen Blut und Fleisch so unpersönlich, als wäre es ein fremdes Geschöpf (Uhl)*. В подобных случаях наречие может имплицитно функционировать, «нагружая» функцией квалифицирования действия интенсификатор *so*: *Aber Sepp! So kann man nicht reden! (Noll)*.

Говоря о функционирующих в порицании глаголах, нельзя не коснуться и так называемых аксиологических предикатов – класса предикатов, «которые входят в структуру оценки, объединяя ее субъект и объект» [Вольф 2006: 97]. К ним относятся в первую очередь глаголы *finden*, *glauben*, *scheinen* и т.п., которые вводят в высказывания порицания эксплицитно выраженную субъективность мнения говорящего: *Und ich finde es einfach beschissen, entschuldige meine Offenheit, wie du ihn behandelt hast (Kürthy)*; *Ich glaube, Simone, dass du ungerecht bist. Du suchst alle Schuld bei mir (Uhl)*, Собственно говоря, на наш взгляд, аксиологический предикат имплицитно присутствует в любом оценочном высказывании, в том числе и высказывании порицания, ср. (1) *<...> Einen ahnungslosen Menschen in Angst und Schrecken zu versetzen ist das Gemeinste und Hinterlistigste, was es gibt! (Buchner)* и (2) *Ich finde/glaube, einen ahnungslosen Menschen in Angst und Schrecken zu versetzen ist das Gemeinste und Hinterlistigste, was es gibt!*

Отличием второго варианта выражения оценочного мнения является эксплицитная представленность в нем допущения о существовании других мнений и возможности возражений. Но реакция в виде возражения высказанному в порицании мнению может появиться в ответ на оба его варианта, что доказывает имплицитное присутствие предиката мнения и в высказывании (1).

Для аксиологических предикатов характерно наличие предикативного определения (*Ich finde dich lächerlich, Bernd (Konsalik)*), пропозициональной фразы с союзом *dass* (*Ich finde, dass dein Verhalten ungebührlich ist*) или инфинитивной группы (*<...> ich würde es ziemlich unhöflich finden, mich in meinem Alter zur Großmutter zu machen (Konsalik)*). В высказываниях с придаточным предложением и инфинитивным оборотом глаголы мнения выполняют еще и «вводную» роль, традиционно приписываемую модальным словам. Они служат для того, чтобы подчеркнуть, что оценка представлена как индивидуальное мнение, а не «положение вещей», которое подразумевается, когда субъект оценки не назван. Иллокутивная цель включения такого глагола – смягчение категоричности высказывания путем введения в него субъективности. Е.М. Вольф рассматривает глаголы в таком употреблении как своего рода перформативы, сообщающие, что соответствующая оценка принадлежит говорящему [Вольф 2006: 101].

Для передачи мнения при оценке используются также именные выражения, например: *In meinen Augen sind Sie ein ganz abscheulicher Mensch <...> (Brehm) = Ich finde (ich meine), dass Sie ein ganz abscheulicher Mensch sind*. И в этом случае именное выражение в резком порицании имеет прагматическую цель указать на возможность альтернативного мнения, а значит, и некоторое снижение степени категоричности порицания.

Употребление глагола *scheinen* отличается синтаксическими позициями его актантов: в фокусе оценки, то есть в роли подлежащего выступает ее объект, а не субъект, как при глаголе *finden*: *Sie scheinen schlechte Laune zu haben, mein Freund. Es ist nicht interessant, mit einem Mann zu plaudern, der*

scheinbar die Schweigsamkeit zu seinem Freunde hat (Tyran). Кроме того, высказывания с глаголом *scheinen* реализуют отличный от высказываний с глаголом *finden* модальный смысл - в них указывается на то, что мнение говорящего относится к «возможному миру», который не обязательно совпадает с фактическим: *Du scheinst keine rechte Freud am Tanzen zu haben. Musst du denn gar so lustlos sein? (Steingruber)*. О том, что иллокутивная цель приведенных высказываний не ограничивается просто констатацией предполагаемого говорящим положения вещей, свидетельствует эксплицитное или имплицитное выражение в них отрицательной оценки этого положения вещей: *Es ist nicht interessant, mit einem Mann zu plaudern = Ich finde, es ist nicht interessant, ...; Musst du denn gar so lustlos sein? = Du bist heute lustlos und das finde ich schlecht. Musst du immer so lustlos sein?* Можно предположить, что глагол *scheinen* тоже служит средством снижения категоричности оценки, он подчеркивает субъективность мнения говорящего: *Es scheint mir, dass du keine Lust zum Tanzen hast. Ich kann mich aber auch irren*. Еще более показательный пример: *Mit mir ist alles in Ordnung. Du aber scheinst unversöhnlich zu sein (Uhl)*. При замене в подобном высказывании глагола *scheinen* на нейтральный глагол *sein* высказывание становится безапелляционным, категоричным, не допускающим возражений: *Mit mir ist alles in Ordnung. Du aber bist unversöhnlich*.

Такие осторожные некатегоричные формы выражения оценки с глаголами *scheinen*, *glauben*, *finden* используются в ситуациях, когда говорящий, порицая, осознает возможность возникновения конфликта и стремится избежать использования безапелляционных фраз. Основанием для необходимости смягчать выражение оценки являются подробно описанные в теории коммуникации принципы кооперативного общения, соблюдение которых предполагает, что мы не механически передаем информацию друг другу, в своей совместной деятельности мы создаем последствия (перспективы) взаимной коммуникации. Специалисты по теории коммуникации считают, что отношение адресата к нам и, что более важно,

его поведение по отношению к нам, определяется в значительной степени нашим отношением к нему. Вынося оценочное мнение сниженной категоричности, говорящий дает возможность адресату оспорить это мнение, указывает, что это мнение не является абсолютно и единственно верным, и с другой стороны, он легче реализует свою иллокутивную цель – воздействовать на адресата, добиться изменения его поведения или исправления результатов его действий. И наоборот, категоричное, не допускающее вариантов порицание ведет к обидам, взаимонепониманию и, следовательно, к конфликтам.

К категории аксиологических следует отнести и предикаты, называющие внутреннее состояние говорящего, то есть глаголы чувств, например: *Es enttäuscht mich sehr, Euch in einem derart unreinen Zustand zu sehen (Matzuoka)*. Такие высказывания порицания тоже выражают некатегоричную субъективную оценку (*Ich finde Euren Zustand enttäuschend*), которая в приведенном примере аргументируется названием рациональных причин отрицательного восприятия положения дел – отклонение от общепринятой нормы (норма – чистый опрятный внешний вид, *derart unrein* вербализует значительное отклонение от этой нормы). Высказывание произносится в ситуации, когда говорящий, приехав навестить адресата, у которого наблюдается некоторое нарушение психики, находит его в состоянии, описываемом автором как *Er war von Kopf bis Fuß mit seinem eigenen Kot besudelt*. В таком контексте высказывание порицания, приведенное выше, является более чем осторожным, некатегоричным, оно указывает на субъективность мнения и оставляет адресату возможность выражения альтернативного мнения (которым могло бы быть, например: *Mein Zustand mag Euch enttäuscht haben, Ihre Enttäuschung geht mich aber nicht an. Ich fühle mich gut in meinem Zustand*).

Значительно интенсифицирует порицание наличие квантификаторов, указывающих на аспект действия – на его регулярность, повторяемость или на его непрерывность в течение долгого времени (*immer, wieder, jahrelang* и

т.п.), например: *Wie sollte ich Sie nicht kennen, Baldener-Bäuerin? Sie haben jahrelang mein Leben vergällt, meinen Vater gepeinigt und gequält, wie sollte ich ein Gesicht wie das Ihre jemals vergessen?* (Buchner). В приведенном высказывании хорошо видно, насколько тесно переплетается в реальной ситуации рациональная оценка поведения (в соответствии со стереотипами – действия *peinigen* и *quälen* оцениваются отрицательно в любой культуре) с оценкой эмоциональной, проистекающей из личного отношения говорящего к объекту оценки (в нашем случае непримиримая ненависть).

Интересно обратить внимание на особый вид интенсифицирующих порицание операторов – наречие с отрицанием *nicht einmal*, которое оценивает действие/поведение адресата по отношению к норме, показывает, что не соблюдается даже общепринятый минимум предъявляемых к нему требований: *Nicht einmal Schuhe putzen kannst du!* <...> (Konsalik) – порицается неумение сделать самое, по мнению говорящего, малое – почистить обувь. Порицания с *nicht einmal* касаются и более серьезных тем, но в любом случае они показывают на несоответствие действий адресата общепринятой норме, например, при несоблюдении адресатом этической нормы – дети должны уважать родителей и помогать им – рождается следующее высказывание порицания: *Du hast keinen Respekt vorm Tod, geschweige vor mir. Nicht einmal die Kinder sind einem mehr ein Trost, wenn es so weit ist* (Kroetz). Высказывания с *nicht einmal* являются двоякодействующими: с одной стороны, они усиливают перлокутивный эффект порицания, утверждая, что адресат не в силах (не умеет, не желает) сделать даже самое малое, необходимое для удовлетворения говорящего; с другой стороны, они снимают категоричность порицания, делают его более «обтекаемым», поскольку эксплицируют самый низкий уровень требований: *Hier zeigt sich wieder einmal deutlich, was euch die Verwandtschaft wert ist. Nicht einmal eine Gans habt ihr für uns übrig, und wir fahren bei dieser Affenhitze in dieses Kaff* (Steingruber) – адресат интерпретирует данное порицание следующим образом: конечно, для дорогих гостей можно было бы (в

соответствии с тем, как это принято в приличных домах) приготовить и поросенка, и бычка на вертеле. Но ведь на столе нет даже гуся! Очевидно, что обратной стороной или даже фоном такого порицания является самопохвала, как это часто бывает в порицании – подчеркивая отрицательность адресата, беря на себя компетенцию оценивать, говорящий подчеркивает свою положительность.

Завершая это краткое рассмотрение особенностей порицательной квалификации поведения адресата следует отметить, что при всей ее обидности порицание характеризуется в целом положительным отношением говорящего к нему. Адресат получает своего рода социальное отражение собственной личности, представление о том, каким видят его окружающие. Утверждая, что собеседник является плохим, поступает плохо, говорящий пытается сформировать у него более сильную тенденцию действовать отличным от оцениваемого образом. И эта тенденция значительно сильнее, чем в случае, если бы оценка не состоялась. Значит, в утверждениях осуждающего характера заключена большая воздействующая исправительная сила. С их помощью говорящий оказывает влияние на адресата, модифицирует систему его ценностей и установок, а значит, добивается конкретных изменений и в поведении собеседника. Именно эта регулирующая функция определяет специфику порицания и позволяет отграничить его от смежных видов речевых действий, например, от инвективы. Информация речевых актов порицания, содержащая оценку, присутствует в них лишь в той мере, в какой это необходимо для оказания влияния на адресата. То есть отрицательная квалификация служит лишь побудительным моментом, импульсом к соответствующим размышлениям и выводам адресата. Только в этом случае порицание будет успешным.

Литература

1. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, означающих поведение) // Человеческий фактор в

языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 114-136.

2. Вольф Е.А. Функциональная семантика оценки. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: URSS, 2006. – 228 с.